

Лилит Трокс

Плач Гекаты

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84
Т70

Трокс Л.

Плач Гекаты / Л. Трокс — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 76 с.

ISBN 978-5-532-07693-8

"Плач Гекаты" - это вам не фанфик про вампиров. Это неописуемо восхитительная в своей дикости, аморальности и жестокости книга. Адская история о бледном юноше с горящим взглядом темного практика, его страсти, его безумии, его одержимости и падении. (Мика Эллен.) Содержит нецензурную брань.

...Я был полон решимости ее убить, мне было все равно, задушить ее, перерезать горло или отравить, только бы посмотреть на это тело, бьющееся в предсмертных конвульсиях и отсчитывающее последние секунды жизни перед вхождением в Ад...

Дверь распахнулась, в проеме показалась хорошо знакомая мне физиономия брата. Я еле успел спрятать свое творение под подушку. Не обращая внимания на своего родственника, я стал смотреть в потолок, показывая всем своим существом, что вот-вот мне откроются все тайны мира. Но не так-то легко было избавиться от пронырливого братишки. Тот прошмыгнул в комнату и, усевшись на стуле, деловито сложил руки на груди.

— Дани, можешь ничего от меня не скрывать, я твой брат и сотни раз читал твои излияния. Ты так красочно описал, какие чувства испытываешь к своей...

— Заткнись сейчас же! — сорвался я на крик, хотя до последнего хотел игнорировать Антона.

Тот от неожиданности подпрыгнул, ибо мои глаза налитые кровью не предвещали ничего хорошего. Не раз я его бил так, что оставались синяки и шрамы, потом, правда, подкупал его деньгами своего родного отца, который оставил меня с матерью десять лет назад и уехал в другой город. Отец брата, за которого мать вышла замуж в надежде на помощь, оказался ни на что ни годным пьяницей. Антон, должно быть любил меня как родного брата, но, кроме денежных подачек, не чувствовал никакого ответного чувства. Моя черствость стала проявляться не только по отношению к семье, но и по отношению к моим ровесникам. И только потом все стало меняться. Я помню, когда это началось. Причиной была она...

Но я был тогда совсем другим...

Я жил настоящим, не будущим не прошлым, только настоящим, Она всегда была рядом...

Хруст...

Сапоги вонзаются в снег, ломая хрупкую корочку наста и оставляя следы...

Далее идут две тонкие ноги, одетые в черные чулки-сетку, пальто, на фоне которого отчетливо бросаются в глаза посиневшие от холода руки и мертвенно бледное лицо, это все, что сразу обращало на себя взгляд...

Стоя с ней, ощущаю холод, который пронизывает меня насквозь и не шепчет ничего, кроме страшного слова «одиночество»...

Когда-то все было по-другому, и на эти заснеженные холмы я смотрел по-другому, потому что в моей руке была ее рука. Я чувствовал ее потребность во мне...

Ничего вокруг не было более важным, чем эти отношения, вся красота вокруг была лишь достойной оправой для драгоценного камня...

Темнеть она начала, когда потемнел сам «камень»...

Я сам не уловил того момента, когда все стало меняться, это как почва уходит из ног, а ты не можешь найти причину действию, которое стремится сменить себя обреченностью на вечные муки...

Я замираю...

Мне кажется, что она желает мне что-то сказать, но она лишь тяжело вздыхает и продолжает это гнетущее молчание... Я беру ее руку в свою и начинаю яростно тереть, пытаюсь хоть немного согреть ее. Она мягко высвобождается, мне кажется даже, с каким-то пренебрежением...

Опять опущенные глаза, чтобы я не угадал ее настроение...

Мне просто стало больно молчать...

— Что мне сделать?

Молчание.

— Я спрашиваю, что мне сделать?!

Мой голос уже почти срывается на крик, я смотрю на нее...

Раньше она любила издеваться надо мной, она так же опускала глаза, а потом, изрядно понервничав, я начинал различать ее хитрую улыбку, она просто провоцировала меня...

— Ты намерена терзать меня?

Опять смотрю на нее, никакой улыбки...

– Хочешь моей смерти?

Тут я вижу слегка заметные покачивания головой...

Облегченно вздохнув, я понимаю, что она настроена на продолжение диалога, как и то, что давление на нее нужно прекратить, иначе она закроется в себе, перевожу разговор на более безобидную тему.

– Помнишь это место раньше? Помнишь, как по любому случаю, мы прибегали сюда?

Она улыбается...

О, Боже Всемогуший, когда я вижу это, я снова и снова начинаю верить в тебя!

В ее глазах снова мелькают искры озорства.

– У меня всплыл в памяти один день, когда ты пришел сюда сердитым на меня.

Я перебираю в памяти моменты своей жизни и не могу вспомнить тот миг, когда был зол на нее.

Тогда она помогает мне освежить память.

– Когда ты пришел тогда, у тебя все руки были в крови, и твое сердце колотилось так быстро, что ты не мог даже говорить...

– Мои руки в крови...

Я начинаю вспоминать, нет, я всегда это помнил! Но как же она была не права, не было никакой злости, даже настроение не успело испортиться. Память имеет над нами большую власть, и я начинаю ощущать, как она быстро захватывает меня и переносит в тот день, когда это случилось...

Она была моей соседкой по лестничной площадке...

Ее красота только начинала проявляться, из дикого утенка она превращалась в прекрасного лебедя, я приходил к ней в гости, как всегда, придумывая пустячный повод, раздувая его насколько можно, чтобы побыть с ней дольше. Тогда я пришел к ней, чтобы спросить, какими красками мне лучше рисовать египетского демона Аммита...

– Смотри.

Она указывает на мое скромное творение шариковой ручкой на тетрадном листе в клетку. Я не смотрю туда, я смотрю на ее руку. То рука Богини, спустившейся, дабы подарить простому смертному осознание своей надобности, если сама Царица приложила свой перст к моему скромному искусству, значит, это того стоило...

– Ты меня слушаешь?

Она чуть укоризненно смотрит на меня, я с трудом сглатываю и киваю, честнее сказать, даже трясусь безумно головой. Как я могу не слушать, просто само время сворачивается, когда я вижу ее и делает мое осознание вещей и действий очень затруднительным.

Она усаживает меня на мягкий диван и угощает кофе. Пока ураган чувств раздирает мое бедное естество, она скромно садится рядом, так по-детски непорочно поджимает под себя ногу, а другой начинает выводить понятные одной ей знаки.

– Что ты думаешь о своем творчестве?

Не скажу, что мне нравится вопрос. Нет, в этом вопросе нет ничего оскорбительного, если бы мне его задал мой брат или одноклассник, но его задала Она. Она никогда ничего не спрашивала просто так, всегда над ее словами витала подоплека. Как ненормальный я открываю рот, не в силах произнести ни слова.

– Тебе-то самому оно не кажется бессмысленным, выдутым из пальца?

Я начинаю судорожно копать в своем сознании, пытаюсь не опустить себя, оправдать, как будто бы от этого зависит мое существование.

– Ты имеешь в виду мои рисунки или рассказ?

Она удивленно поднимает брови.

– Рассказ?

Я начинаю осознавать, что спрашиваю бессмыслицу, как ей может не нравиться мой рассказ, если я даже не говорил ей о нем?

– Ааа, не бери в голову, пустозвонство и графомания.

– Однако я не понимаю, почему тебе не нравятся мои рисунки, я выкладываю душу...

– Всего лишь одному человеку не нравится твое творчество, мне, это не так уж и много.

Снова успокаивает она меня.

Подумать только – всего одному человеку! Да для меня этот человек дороже всего человечества, только для него я творю, тайно мечтаю, что мои труды будут по достоинству оценены...

Мной овладевает какой-то порыв, и я рву у нее на глазах свои работы. Думаю о том, что сейчас она кинется помешать мне, но нет, она сидит так же тихо, сложив свои изящные ножки у самой спинки дивана и, кажется, даже лукаво улыбается.

Дальше я ухожу, и тянется череда бессмысленных дней без нее. Я иду на занятия в школу, прихожу домой, штудирую литературу, дабы закончить на отлично одиннадцатый класс. Все это время голова полнится мыслями о ней...

Очень хочется сделать пару шагов по лестничной площадке, постучать в обитую синим дерматином дверь и увидеть ее глаза, но я даю себе зарок не разговаривать с ней первым. Я владею множеством недостатков, но слово всегда держу, особенно данное самому себе. Умер бы с тоски по ней, но никогда не заговорил бы с ней первым. Но встреча двух людей, живущих на одной лестничной площадке, рано или поздно становится неминуемой. Скажу за себя, было очень неловко, так как я поднимался в свою квартиру с бутылкой подсолнечного масла и булкой хлеба в тонком целлофановом пакете. Поднимаюсь на пятый этаж, вижу ее закрывающей дверь, краснею, а в мыслях ничего нет, кроме того, что у меня в кармане сдача три рубля, пятьдесят копеек...

Она сразу же замечает меня.

– О, какая встреча! А я думала, ты куда-то уехал, слишком долго не заходил.

– А зачем заходить, кому я нужен?

Тихо лепечу я. Она улыбается, точно не помнит, как обидела меня.

– Ну, мне не составило бы труда пообщаться с тобой.

– Но и приятно не было бы.

– Глупый ты...

– Иногда мне так плохо...

– Дани, у тебя период такой...

Она всегда утешала меня. А я всегда думал, что бы было, если бы жизнь сложилась по-другому? Маг не была бы моей сводной сестрой по отцу, и мы смогли бы общаться, как парень с девушкой. Я мог бы смотреть на ее ноги, как смотрит парень на ноги своей девушки, и не отводить смущенно взгляд, когда он нечаянно падал на ее грудь.

Мой отец по жизни не сделал ничего хорошего, кроме того, что произвел на свет Магдалену, только за это он был достоин прощения. В семнадцать лет, когда я впервые познакомился с ней, я успел возненавидеть весь свет, не исключая моего сводного брата. Моя ненависть разжигалась день за днем, я перечитал Сатанинскую библию от корки до корки, моими учителями стали Ла Вей и Алистер Кроули. Отец, покинувший нас, мать, не уделявшая нам должного внимания, занимавшаяся только перебранками со своим вторым мужем, одноклассники, хоть и боявшиеся меня, но все же разводившие за моей спиной сплетни. Сначала я делил мир на хороших и плохих, но когда так называемый друг предал меня, я стал воспринимать мир как большую кучу дерьма, а людей – за роящихся в ней мух, которых даже рукой пришибить и то тошно. Отношение к ней с самого начала я тоже не назвал бы приветливым, но тогда меня можно было понять и, не учитывая моего темного прошлого. Она живет с моим отцом, она тот ребенок, которого он любит. В первую нашу встречу во мне играла ревность, хотя не буду лукавить, сразу обратил внимание на ее глаза...

– Это твоя сестра Магдалена.

Отец думал, что сделал мне большое одолжение, когда приглашал погостить к себе. Тогда он не знал, что у меня не осталось к нему никаких чувств, я поехал к нему только потому, что попросила мать. Она надеялась, что отец поможет с деньгами, в которых мы так нуждались. Я смотрел на незнакомую, очень красивую девочку, которая ни с того, ни с сего, оказывается, стала приходиться мне сестрой, и меня охватывали противоречивые чувства. Злость и ревность, по непонятным причинам, ведь к отцу у меня не осталось никаких

чувств и чувство огромной симпатии, с которым вначале я отчаянно сражался.

– Очень приятно, мадемуазель! – процедил я сквозь зубы, давая понять, что ее общество мне неприятно. Но она толи не поняла намека, толи сделала вид.

– Мадемуазель? Вас так в школе учат разговаривать?

– Да, в Гарварде...

Резко начал я, но отец прервал.

– Иди, посмотри, что я тебе купил.

Но мне, почему-то, было совсем не интересно любоваться на подачки отца, я нагрубил ей, а сам не мог оторвать взгляда от ее лица. На душе сделалось паршиво, захотелось уйти навсегда в тайгу и никого больше не лицезреть.

– Период такой?

Я горько усмехнулся.

– Просто подумал, а что было бы, если бы обстоятельства сложились по-другому, если бы ты не была моей сестрой? Допустим, ты была бы моей соседкой по лестничной площадке, жила бы на пятом этаже.

– Я была бы сестрой кого-нибудь другого, – быстро нашлась она.

– А как же наши отношения?

– Если бы мы познакомились, то думаю, дружили бы.

– Нет, – перебил я ее, – я о другом спрашиваю, как ты думаешь, стали бы мы встречаться?

Никогда ни перед кем я не краснел, а тут смутился, как школьник и проклял себя за свою дерзость. Она молчала, я знал по опыту, что ее молчание может длиться вечность.

– Прости...

Она взяла мою руку в свою.

– Нам ведь и без этого хорошо?

Я кивнул, так как ничего не мог сказать, в горле застрял противный комочек горечи...

Да, нам было хорошо, она заставляла меня забывать обо всех окружающих, вдвоем с ней мне казалось, что в мире больше нет никого. Мы могли долго гулять по нашему любимому месту, небольшой рощице, рядом с АТОММАШЕМ и говорить только о нашем мире. Зимой мы строили крепость, летом ездили в поселок Саркел, гуляли по холмам.

Вечером мы любили смотреть на луну.

– Если долго-долго смотреть на луну, в определенную точку, то можно минуя время и пространство попасть туда. Я так делаю, что-то вроде медитаций, – рассуждала она, крепко сжимая мою руку.

Маг прочитала много книг, но не было у нее особенности, свойственной многим людям, цитировать своих любимых авторов или навязывать прочтение своих любимых книг. Она могла долго и просто беседовать с человеком, вызывая у него чувство приязни и даже родства. Все в ней располагало...

Но было одно но, такой она была не всегда, моментами на нее находило какое-то странное, неконтролируемое зло. Нет, она не пыталась никого убить, даже грубить никому не пыталась, просто просыпалось в ее сердце всепоглощающее равнодушие, которое было хуже всякой ненависти. Для меня это открытие было шоком. Однажды мы разговаривали, ничего не предвещало беды, она попросила принести воды, когда я вернулся с кухни, она уже собиралась домой, не понимая в чем дело, я попытался ее остановить.

– Никуда Вы, мадемуазель, не пойдете!

Я застыл на полуслове, она обдала меня таким ледяным взглядом, что по коже пошли мурашки.

– Мне нужно домой, и не шути со мной больше.

Так я и не понял, чем в тот вечер обидел ее, только впоследствии эти приступы стали появляться с завидным постоянством.

Однажды мы сидели у меня дома, это был пятый ее визит ко мне. Отец, почему-то не сильно одобрял наши встречи, может, замечал, какими глазами я смотрю на нее. Мы немного посмотрели какой-то фильм ужасов, но из-за предсказуемости сюжета он нам быстро наскучил. Сказать по-честному, я не знал о чем мне с ней разговари-